

«Она встречает жизнь открыто-ранимой душой и лепечуще-ликующим словом. Она ниногда не старалась быть поэтом, она просто присутствует среди нас как поэт – искренне и непоколебимо. В её стихотворном почерке сила и крепость... В её поэзии есть дерзновение любить людей и Бога. Она поэт!» – пишет о Татьяне Николаевой в предисловии к её книге «Клочок обетованный» член Союза писателей России Александр Ибрагимов. Не так давно на свет народился её третий поэтический сборник под названием «Вместоимения». Сегодня член Союза писателей России Татьяна НИКОЛАЕВА – гость рубрики «Хорошие знакомые».

(Продолжение на стр. 6)

БОЛЬШОЙ ПОЭТ в большом городе

В красивом неологизме, давшем название новому сборнику стихов Татьяны Николаевой, при желании легко вычитываются разные смыслы: «Вместо имения»/ «Вместо имени я». Изначально она хотела назвать книгу «Маргинальный феномен», отталкиваясь от формулировки Эриха Фромма, обозначившего так когда-то «любовь в её полноте», не разложенную на «разные любви», которая, по мнению философа, возможно, сохранилась в России, да и то разве что в провинции. Но слово «маргинальный» сегодня имеет только негативный смысл, и потребовался поиск другого названия. Оно пришло случайно из её собственного стихотворения «Боль», родившего строку: «В-место-имени-боль!/ Та – сквозная – надмирная сплошь!»

БОЛЬШОЙ ПОЭТ в большом городе

В сборник вошли стихотворения последних пяти творческих лет. Он и правда получился своеобразным криком души, наполненной тихим страданием от бездуховности времени: «На кого опереться, когда и живые – мертвы?» Возможно, кто-то, прочитав, скажет, что слишком уж всё пессимистично. Но поэт на то и поэт, чтобы чувствовать в тысячу раз тоньше обычного человека, говорить точно и образно о нашем веке, «одуревшем от благ».

– Только когда книга уже вышла, – говорит Татьяна, – и я стала перечитывать, то подумала: что-то в ней не то. И не сразу поняла, что она слишком жесткая, на надрыве, с криком. Но я сама при окончательном отборе оставила в сборнике только то, в чём не сомневалась. Это примерно пятая часть от всех стихов, которые прошли цензуру и жёсткий отбор на заседаниях «Мастер-круга» и изначально были включены в книгу. Получилось, что она от начала до конца «напичкана» силовыми стихами. Мне это не понравилось. Теперь я всем говорю: не выбрасывайте из сборников так называемые проходные стихи, пусть они хоть немного дают читателю возможность перевести дух.

Со своими творениями у Татьяны особые отношения. Она не помнит их наизусть. В противном случае их невозможно было бы править, считает она, а поэту это необходимо делать.

**Я правлю красным – так удобнее для глаз,
И ранним утром кровотоцит черновик...
Да, только миг – всего лишь ночь – во сне,
Когда душа свободой изнеможет,
Приходят смыслы новые ко мне
И палачами обступают ложе...**

По её собственному признанию, у неё есть мода дурацкая, и она тут же поправляется, – а может, и хорошая, – речь то, что считает браком.

**И вновь сожгу черновики –
В них слишком слово зло.
Твоей протянутой руни
Тепло не помогло.
Не холодно, а грязно мне!
Не больно, а темно!
Светись, светись, душа в огне
С бумагой заодно.**

Она не считает нужным ставить дату написания под свои творения – зачем? Главное – состояние души, реагирующей на красоту природы, пережившей большую любовь, горечь потери, радость материнства, страдающей от человеческой разобщенности, всевозможных болей и обид мира. Это душа поэта вопрошает:

**Разве не было небо легче и голубей?
А сегодня ты хоть жалея меня, хоть убей:
То ли сотовой связью загажена высь, –
Все, кого не приспичит, в надмирное подались?..
То ли химия злб забрюхатила небеса, –
Ядовитая оседает на нас роса?..
То ли Бог, покручинившись, просто оставил нас?..
Разве не было небо такое же, как сейчас?**

– Нужна ли поэзия в нашей такой прагматичной, расчётливой, эффективной, где-то бездуховной жизни? – спрашиваю я Татьяну.

– Мне нужно быть поэтом, – после некоторого замешательства, видимо от столь неуместного вопроса, отвечает Татьяна, – это мой образ жизни, моё чувствование мира, мои отношения с Богом наконец. Другим не знаю, нужно ли это? Я не могу жить по-другому. У меня всё крутится вокруг поэзии, я перечитываю всех классиков по кругу и современных поэтов, сама пишу, пять лет веду студию «Мастер-класс». Мы продолжаем общаться с коллегами, обсуждаем свои произведения...

Им необходимо живое общение, это сплочение, чтобы творить. Иначе получится, как у Андрея Платонова в «Чевенгуре», когда и «земля, и небо были до утомления несчастны: здесь люди жили отдельно и не действовали, как гаснут дрова, не сложенные в костёр». Цитаты из его «Чевенгура», занявшие места эпиграфов перед некоторыми стихотворениями из сборника «Вместоимения», стали его духовной скрепой.

– Произошло это случайно, – рассказывает Татьяна, – когда сборник уже был почти готов, я вдруг решила перечитать Платонова, увидев его на книжной полке.

В «Чевенгуре» она нашла то, о чём думала, что было нужно в тот момент. Сборник сразу оформился. Отрывки из романа легко вставляли к уже написанным Татьяной стихотворениям. Они пролегли красной нитью от общего эпиграфа ко всему сборнику до самого последнего стиха в нём, напоминая о бренности бытия для каждого из нас: «...как ни зол, ни умён и храбр человек, а всё равно грустен и жалок, и умирает от слабости сил». Для поэта в этой неизбежности ещё и «боль остается./ Она остается, покуда размеренный стук не прервётся/ в груди, не сломается мера времён», но он готов на эти муки творчества до самого последнего вздоха: «Нет! Боли мне, боли. Последнего мига!/ Ещё не дописана Новая книга...»

Чем бы ни занималась в своей жизни Татьяна, она всегда оставалась поэтом. Приехав в Новокузнецк в 1973 году, поступила на иняз в пединститут. Но через некоторое время бросила учёбу, увлеклась толстовством и пошла работать санитарочкой в больницу...

– Для меня никогда не стояло никакой задачи относительно карьерного роста. Только сейчас стала понимать, что для поэта главное – перипетии судьбы. Мне нужны были впечатления, живая жизнь во всех её ярких проявлениях и эмоциях. И я её брала, не гнушаясь никакими работами.

Она поменяла много сфер деятельности. Куда только не забрасывала её судьба: работала санитарной в хирургическом отделении первой горбольницы, в геологии – поварихой и техником-картографом, руководителем кружка в Доме пионеров, художником-оформителем... Пять лет прожила в Свято-Серафимово-Покровском женском монастыре г. Ленинска-Кузнецкого. Тогда он только строился. Среди первых братьев и сестёр, прилепившихся в то время к отцу Сергию, которого послали из Новокузнецка возводить там монастырь, была и Татьяна с маленькой дочкой Марией на руках. Это было время неопитского духа возрождения церкви. В 30 лет Татьяна приняла тайнство крещения, в 33 пришла в монастырь, где, будучи послушницей, она освоила церковное шитье и научилась вышивать иконы. Последнее занятие и сейчас помогает ей зарабатывать на жизнь. Вернулась Татьяна в Новокузнецк, когда дочери пора было идти в школу...

Вспоминая своё прошлое и путь становления как поэта, Татьяна говорит о литобъединении «Гренада», участницей которого она была в тот период, когда студией руководил

Евгений Богданов. Это было прекрасное времечко, когда в обсуждении творчества каждого участие принимали все. И руководителем не был мэтром, который только слушает, что и как другие читают, и сам даёт оценки.

– В «Гренаде» тогда было много народу: Витя Корсуков, Юра Пыль, Володя Петраш, Стас Долгов, Игорь Гурьянов, Сергей Озеров... Мы собирались раз в неделю по пятницам в пединституте, потом в ДТС, – рассказывает Татьяна. – Была и женская команда: Татьяна Белокурова, Галина Бондаренко, Кира Мальцева... Нас звали гренадёрками. Когда Женя Богданов уехал в Кемерово, я осталась руководителем студии (с 1984 по 1988 годы). В 80-е годы стала ездить и в литературную студию «Притомье» в Кемерово. Когда у меня была затяжная депрессия, меня туда бунвально приволокли под белы ручки мой супруг Виталий Карманов и его друзья. Муж хоть и посмеивался немного над моими стихами, критиковал их, но поместил меня в поэтическую среду...

Когда Татьяна собралась в монастырь, она, впрочем, как и многие другие, посчитала, что больше стихов не будет. Вот, что она сама пишет в 8-й главе сборника «Ключок обетованный»: «Помню, как я уходила в монастырь: сожгла рукописи, дневники, раздарила картины, книги. Хотела убить в себе личность. Искренне думала, что она мне – враг... И когда вдруг почувствовала, что через этот провод идёт «ток» – стихи, то поняла, что есть в жизни вещи, которые убить невозможно, которые неподвластны руке человеческой, даже собственной».

Стихи писались и в детстве, и в юности, до рождения ребёнка и после, когда уходила в монастырь, и когда была там, и когда вернулась к мирской жизни...

Счастливым знакомством с Ольгой Михайловной Галыгиной помогло Татьяне издать первый сборник стихов «Где ты, потомок первого?». Это был совместный проект с Еленой Башариной, автором которого и стала Галыгина. В 2006 году она же руководила выпуском сборника «Ключок обетованный». Он получился объёмным, в 12 главах, стихи лились рекой. «Мне пакет с неба прилетел», – шутит Татьяна...

Вернувшись из монастыря, Татьяна некоторое время ездила в кемеровскую мастерскую «А3», которую вёл и ведёт до сих пор поэт Александр Ибрагимов. Он советовал ей вновь воссоздать поэтический круг в Новокузнецке. И в 2008 году бывшие гренадёры (она, Станислав Долгов, Владимир Угрюмов, Сергей Озеров и другие) пригласили интересных молодых поэтов и организовали литературную студию «Мастер-круг». Сначала собирались в СибГИУ, потом в Гоголевне, теперь вот снова планируют работать на базе университета.

– Жаль только, – сетует Татьяна, – что молодые поэты уезжают, они здесь задыхаются. К сожалению, если энергия большая, мощная и её негде здесь запустить, то творческие люди покидают город. Недавно вот уехали Вика Трегубова, Надежда Шишкина... Талантливые люди.

Сразу после разговора с Татьяной я от корки до корки прочитала её «Ключок обетованный», подаренный мне с автографом: «На память вам, Елена, о нашей беседе 21 февраля 2014 года», и новый сборник «Вместоимения». Пролитывая страницу за страницей, и я благодарил Бога за то, что мой путь пересекся с творчеством красивой и талантливой новокузнецкой поэтессы Татьяны Николаевой, которую Руслан Сидоров как-то назвал «большим поэтом в большом городе».